

УДК 141.2

О.В. Панченко, доцент, канд. филос. наук*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***ФИЛОСОФСКИЕ ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ОБЪЕКТИВНОСТИ**

Рассматриваются различные подходы к пониманию объективности, выявляются ее новые смыслы.

Ключевые слова: *истина, объективность, субъективность, реальность, репрезентация.*

В последние десятилетия вызов, брошенный постмодернистской критикой устойчивости знаний, классическим принципам предшествующей философии, вызывает потребность в достойном ответе и тем создает перспективу для поиска возможностей дальнейшего теоретического освоения мира, открытия новых смыслов базовых философских понятий. В пространстве эпистемологического дискурса философы, социологи, науковеды, обсуждая проблемы рациональности, истинности и другие, зачастую «выносят за скобки» тему объективности. Одни это делают из принципа, полагая, что ее решение, подобно морской волне, будет способствовать стиранию человеческого лица, начертанного на прибрежном песке (М. Фуко). Другие принимают объективность как очевидную данность, без проверки на семантическую, логическую и нормативную определенность.

Интерес к данному вопросу обусловлен и тем, что с его помощью более отчетливо осознается предмет философии, связь и взаимодействие основных ее составляющих – онтологии, гносеологии, аксиологии и этики. Одновременно уточняется смысл второй составляющей бинарной оппозиции объективное-субъективное, подлинной субъективности, с которой философы и ученые связывают будущее ойкумены. Таким образом, поиск адекватного понимания данной категории вписывается в философский императив, – чтобы не оказаться на окраине темпоризованного мира, нужно успевать выявлять новые грани традиционных тем и категорий, в которых они раскрываются.

Термин «объективность» (от лат. *objectum* – предмет), получивший постоянную прописку в языках современных обществ для экспликации самых различных сфер жизнедеятельности людей, имеет свою историю и предысторию. В онтологической, платоновско-аристотелевской метафизике, где не только вещи, но познание и истина трактуются как нечто сущее, как физический процесс, объективность еще не была выделена как проблема. В космоцентричном мирозерцании древних греков отсутствовало понимание отличия субъективного и объективного. Знаток античной философии и культуры, А. Лосев, исследуя этимологию данных терминов, отмечал, что латинское «субъектум» соответствует русскому «объект». Буквально *subjectum* означает «то, что подложено под» – в смысле некоего основания, на котором стоит весь наш мир. «Вы спросите: ну а как быть с латинским «объектум»? А это то же самое, только с другой стороны. Приставка «об» указывает на то, что вещь находится *перед* нами, мы ее как бы глазами своими чувствуем и руками ощущаем. Так что «субъектум» – это вообще объект сам по себе, а «объектум» – это такой объект, который дан нашим чувствам» [1]. Тем не менее, в неявной форме в античную эпоху отличие субъективного и объективного все же ощущалось, что подтверждают различные ответы на одинаковые натурфилософские вопросы.

Данная оппозиция осознается в эпоху модерна, при смене онтологической метафизики метафизикой познания, осуществленной в первую очередь Р. Декартом и И. Кантом. В теориях этих мыслителей философские качели, с одной стороны, взлетели к субъекту, а с другой, критерием истины науки считалась объективность, условием достижения которой было признано «трансцендентальное единство апперцепции», т.е. универсальность субъектов. Причиной парадоксальной трактовки объективности явилось смешение двух постулатов, один из которых относился к объекту поиска, а другой имел в виду субъекта, познающего, на котором лежат определенные обязанности, нелегко поддающиеся определению.

Это особенно заметно в толковании тесно связанных с объективностью двух других понятий – «источник» и «основа». Источником именовали: и средства познания, способности субъекта, и то, что провоцирует эти способности, имеет место в мире. Основу разумели: и гносеологически – как начало, исходный принцип познания, и онтологически – как субстанцию, и методологически – как предписания, придающие знаниям единство и устойчивость. Р. Декарт интерпретировал объективность как правильность, обусловленную, в свою очередь, известным со времен античности и средневековья проявлением действия божественной субстанции. У И. Канта онтологический модус научной объективности полностью поглощен гносеологией. Подобную ошибку повторили впоследствии как неокантианцы и феноменологи, так и позитивисты. На словах отвергнув психологизм, на деле они вновь заставили субъекта вращаться по замкнутому кругу сознания, «самореференции», а потому не достигли ожидаемого результата – рационального объяснения условий получения универсального

знания. Прозорливее оказался «философ жизни», Ф. Ницше, который заметил, что любая мысль, в конце концов, сокрушает саму себя законами, подобно тому как покрывается коркой раскаленная лава.

Исходные рефлексивные установки трактовки объективного и субъективного в эпоху модерна отчетливо проявились в философии И. Канта. Совершив «коперниканский переворот» в философии, немецкий мыслитель отверг наивную установку о возможности познания вещей «за окном», «за зеркалом» сознания: выдворил за границы разума реальные объекты и оставил им функцию «провокаторов» познания. Вместе с тем, априорно возвысив познавательные способности субъекта до уровня всеобщности и необходимости, он блокировал уникальность познающего, иницилирующую вкус к знанию, открывающую возможность для сравнения новых описаний и наблюдений и выделения в них повторяющегося общего.

Анализ этических и эстетических способностей ослабил, но не снял «гносеологическую повязку» с чела субъекта. В «Критике практического разума» и в «Критике способности суждения», Кант распространил требование объективности на нравственные суждения и суждения вкуса, связанные со свободой воли и игрой воображения. Однако разумение объективности и здесь имело оттенок двусмысленности. С одной стороны, нравственные и эстетические суждения фундируются внешней основой – идеальным миром понятий, а с другой, – они есть универсальные характеристики человеческого разума. Решение об истинности суждения вкуса хотя и не может быть принято посредством доказательств, все же «основывается на понятии, из которого, однако, нельзя ничего узнать и доказать об объекте, поскольку само по себе оно неопределимо и непригодно для познания; и, тем не менее, посредством этого понятия суждение вкуса получает значимость для каждого (для каждого, правда, как единичное суждение, непосредственно сопутствующее созерцанию), так как его определяющее основание находится, быть может, в понятии того, что можно рассматривать как сверхчувственный субстрат человечества» [2, с. 214].

Помимо отмеченных значений, философское понятия «объективность» у классика имело еще один, аксиологический окрас. С объективностью Кант связывал высшую цель и ценность знания. Он считал, что во избежание создания утопий гении науки и художники должны прислушиваться к гласу трансцендентальных теоретического и практического разума.

Аксиологический и особенно праксиологический аспекты объективности явственнее обозначились в западной философии после двух великих открытий, Г. Гегеля и К. Маркса: об изменчивости субъекта во времени и обусловленности познания социокультурной практикой. Учитывая эти новации, современная философия разъясняет смысл объективности, следуя, в основном, в двух направлениях. Герменевтики анализируют оппозицию субъективное-объективное, обращаясь к глубинам сознания. Представители позитивизма и диалектического материализма решают проблему в пределах симентизма, руководствуясь не «горизонтными», а ближними, «реальными» целями, а так же практическими результатами жизнедеятельности людей.

В переходный период истории философии, модерна/постмодерна, новые логико-семантические грани объективности открываются в работах М. Вебера «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики» и В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

К. Маркс и Ф. Энгельс, В. Ленин, другие представители диалектического материализма обосновывали возможность получения объективных знаний исходя из материального единства мира. Познание они считали высшей, идеальной формой эволюции атрибута материи – отражения. Так, в полемической работе с позитивистами первой волны «Материализм и эмпириокритицизм», в пылу дискуссии, Ленин сделал познающего субъекта заложником, с одной стороны, наивного материализма, а с другой – платоновской метафизики. Вначале он, как и Энгельс, признал, что онтологический вопрос о бытии вне гносеологической точки зрения «остается открытым», затем, заявил о том, что «существование независимого от отражающих отражаемого (независимость от сознания внешнего мира) есть основная посылка материализма» [3, с. 119]. Наконец, следуя гегелевской «триаде», осуществил некорректное «снятие» противоречия субъективное-объективное через определение истины как такого содержания человеческих представлений, «которое не зависит ни от человека, ни от человечества» [3, с. 118]. Но если содержание знаний не зависит от человечества, т.е. фактически обладает сверхчеловеческим статусом, то познавательный процесс подозрительно напоминает платоновское припоминание, только в еще более архаичной, чем у античного классика форме, которую можно выразить оксюмороном «материальная идея». Чем не фидеизм наизнанку, в котором Ленин обвинял позитивиста Богданова!?

Ошибка наивного материализма – натурализацию разума – подметили, «философы жизни», феноменологии и другие представители постклассической философии. Дополним их критику на примере рассматриваемой работы В.И. Ленина. Здесь следует сказать, что предполагаемое возражение о необходимости понять «дух», а не «букву» ленинских высказываний, который был нацелен на то, чтобы с помощью понятия «объективность» указать источник восприятий, объективную реальность, парируется тем, что даже следование контексту не оправдывает путаницы в суждениях классика

«диамата». И верно, объективная реальность, – это онтологический источник, а объективность – свойство знания, которое по определению не может быть независимым от сознания субъекта. Как отмечал сторонник концепции «гипотетического реализма», этолог К. Лоренц, в познании мы имеем дело с действительностью, производной от глагола «действовать», а значит «не только вещь в себе «аффецирует» наши рецепторы, но и наши эффекторы, в свою очередь, «аффецируют» абсолютную реальность» [4, с. 23]. Кроме того, если объективность – отражение, копия реальности, то чем понятие «объективная истина» отличается от классического понятия «истина»? Позитивист К. Поппер во многом, хотя, как позднее увидим, и не во всем прав, заявляя, что использование словосочетания «объективная истина» уместно лишь для того, чтобы отличить классическую концепцию от конвенциональной и прагматической. Неудача ленинской «лобовой атаки» на позитивизм конца XIX – начала XX вв. подвигла сторонников диалектико-материалистической философии к поиску более веских аргументов для обоснования объективности истины. В качестве таковых используются понятия «содержание» и «форма». Под содержанием, как ранее и Ленин, Э. Чудинов и другие, понимают то, что поступило из внешнего мира. Форма характеризует субъективность – психическую обработку субъектом опытных данных. Однако если после переработки объективного содержания изменилась лишь форма, а само оно осталось прежним, то логически крайне затруднительно отличить истину от заблуждения. Выходит, к примеру, что и гео, и гелиоцентрическая теории отличаются лишь формально? У Канта обоснованием истинности, по крайней мере, служили априорные условия возможности.

Включение в познавательную деятельность практики как условия, мотива познания и критерия истины не избавило диалектико-материалистическую концепцию объективной истины от противоречий. Действительно, согласно Марксу и Энгельсу, предмет знания – не объективная реальность «сама по себе», а реальность, заданная практикой. В практике, направляемой сознанием, субъект непосредственно, чувственно-телесно соприкасается с вещами, так как соизмерим с ними. Тогда логично предположить, что и содержание знаний, а не только их идеальная оболочка, форма, «окрашено» субъективностью. Поскольку любое знание есть знание о свойствах и, в то же время, сама объективность есть «свойство» истины, уместно раскрыть смысловые особенности данного понятия. Любое свойство – это отношение между взаимодействующими объектами (равно как и между реальными субъектом и объектом, какими бы способами оно не было добыто), и принадлежность их обоим одновременно. Предположение, что свойства принадлежат объектам вне взаимоотношений ведет к отрицанию явленности свойств, в том числе в средствах познания. Одновременно если допустить, как это делает эпистемологический анархист П. Фейерабенд, что свойство есть только отношение между объектами, то они не принадлежат объектам, объекты лишены свойств. Здесь налицо откат к солипсизму Дж. Беркли – обесцениванию не только научного, но любого знания. В социоантропном аспекте это означает, что агрессивная морализующая полемическая поза, которую принимает философ постмодерна, утрачивает практический смысл, ибо в тумане неопределенности и индивидуальной свободы исчезает реальный мир.

Более адекватен современным интерпретациям объективности третий вариант, а именно: в результате чувственно-телесных взаимодействий с внешним миром и их теоретической обработки в знании, «присутствуют» как свойства вещей, так и естественно-телесные способности субъекта, и теоретико-культурные средства познания. «Вторичные качества» Д. Локка не абсолютная «субъективность». Цвет есть не только свойство глаза и не световые волны определенной длины и частоты, а нечто интегральное третье – результат взаимодействия субъекта и объекта в форме взаимопроникновения. Этот вывод подтверждает практика, например, изготовление красок различных оттенков, созданием артефактов, а также постулаты постклассической науки, включающей в теоретическое объяснение ссылки на средства наблюдения и наблюдателя. Поэтому содержание принципа объективности знания будет определяться поиском ответов на вопросы: 1-й – «что (какие свойства) в смешанном субъективно-объективном образе принадлежат реальным объектам?», и 2-й – «как установить эти свойства?»

Предварительным ответом на первый, и одновременно выводом относительно ранее изложенного, может служить заключение, согласно которому теория отражения в качестве основы современных интерпретаций классической концепции истины, а с нею и прежнее диалектико-материалистическое понимание объективности нуждается в коррекции, ибо слишком схематично интерпретирует механизм процесса познания. Критика Р. Рорти современного философского натурализма – философии как зеркала природы – имеет под собой веские основания. Однако лидер неопрагматизма впал в другую крайность. Он вообще отказывает объектам в обладании свойствами, а знанию в репрезентационном значении, сужая его до субъективного перископа, отдавая истину на откуп мнению авторитетного большинства либо практической пользе. «Применение таких почетных оценок, как "объективный", "познавательный", никогда не является чем-то большим, чем выражением согласия среди исследователей или надежды на него». [5, с. 248]. Реальность – не объект исследования, а материал, принимающий любые формы в зависимости от целей человечества.

Вместе с тем, о наличии объективных моментов в знании свидетельствует фиксация одинаковых свойств разными средствами наблюдения. Однако как быть, если, например, в микромире объекты эмпирически непосредственно не наблюдаемы? Выход видится в непрерывном совершенствовании как технологического-практического средства исследования (свойства микрочастиц удостоверяются по их следам, счетчик Гейгера, камера Вильсона), так и путем дальнейшей «шлифовки» логико-понятийного аппарата.

Огромную работу в этом направлении проделали представители нео- и постпозитивизма. Но, сосредоточив внимание на конкретике – на методологии и анализе языковых средств познания, установлении логико-семантических и эмпирических возможностей определения истинных теорий, – многие из них вообще исключили вопрос о связи знания с реальностью. Так, по мнению К. Поппера, проблему объективности знаний следует снять с повестки дня, поскольку тезис о существовании объективного мира выражает метафизическую веру людей и не может быть аргументирован в принципе. Почти к таким же выводам пришел и поздний Л. Витгенштейн, разработавший концепт языковой игры и исключивший бытийность из состава референтной системы. Упомянутый философский ученик К. Поппера, П. Фейерабенд, довел эту тенденцию до логического завершения – нигилизма и абсурда, признав науку догматичным религиозным институтом.

Однако противопоставление «метафизической веры» как антипода знания не выдерживает критики. Разве в эволюции науки «метафизическая вера» не всегда шла «рука об руку» со знанием? Или наоборот, научное знание когда-либо обходилось без веры в исходные постулаты? Конечно, нет. Аргументами служат как релятивистские выводы некоторых позитивистов, так и факты из истории науки – «парадокс Ньютона», например. Как известно, с одной стороны, великий ученый предостерегал, чтобы «физика берегла метафизику», а с другой, – назвал главную свою работу «Математические начала натуральной философии». Дело в том, что метафизическая, философская вера, в отличие от религиозной, не абсолютна (не догматична), а диалектична. Она обосновывается всей историей развития познания и ориентирована на должное. Подлинная, неоклассическая диалектика, и есть универсализация метафизического знания благодаря сравнению разнообразных точек зрения и наполнение все новыми смыслами всеобщих убеждений-верований. Нарративы фокусируют метазнания-верования. При этом следует иметь в виду, что философские суждения обладают не только итогово-описательным, но и гипотетическим статусом.

В контексте рассматриваемого вопроса, критика «зеркальности» знания, равно как и метафизического догматизма, на наш взгляд, не должна сводиться к «зряшному», как сказал бы Гегель, отрицанию – к выдворению реальности за пределы гносеологии. Здоровый скептицизм побуждает к поиску не только методологических, но и онтологических интерпретаций объективности, сближающих субъекта с действительностью, к переходу от чуждоты трактовки бытия, к антропной онтологии, предполагающей единство человека и мира.

Такой поворот, нацеленный на дальнейшую эволюцию теории познания, и преодоление уже выявленных ее трудностей и противоречий, можно обнаружить у М. Вебера в ранее упомянутой его статье. Ученый подверг критике классическое представление об объективности истины как ценностно неангажированном, свободном от индивидуальных случайностей, индифферентном монистическом познании действительности в виде системы понятий. Связь субъективного и объективного Вебер разъяснил, вводя в познание понятие «идеального типа». Идеальные типы, по его мнению, это логико-культурные средства, которые не дают изображений реального мира. «Только определенные стороны бесконечных в своем многообразии индивидуальных явлений, те, которым мы приписываем общее культурное значение, представляют для нас познавательную ценность, только они и являются предметом каузального объяснения» [6, с. 568]. Объективность идеального типа обусловлена двояко: образцами логико-методологического свойства, обеспечивающими достижение ближних целей, и дальними целями – идеалами. Те и другие возникают стихийно из практики жизни. В первом случае объективность означает следование принятым учеными логико-математическим правилам выведения понятий, суждений, умозаключений, т.е. доказательства, как более ясного в сравнении с обыденным мышлением способа упорядочивания эмпирической реальности. Такую объективность Вебер считал главной и именовал адекватностью или «понимающим объяснением». Во втором случае объективность определяется соответствием знаний культурным образцам: в медицине – здоровьем пациента, в религии – уважительным отношением к другому и т.д.

Из приведенных тезисов, детально развитых Вебером можно сделать, по крайней мере, два предположения: 1. Если не вся действительность, а лишь малая ее толика схватывается субъектом в идеальных типах, а культурные образцы имеют место в любой деятельности, то объективность – не есть прерогатива науки. 2. Поскольку не только объективность определяет истину, но и сама определяется смыслами последней, постольку право на существование имеют и когерентная, и аксиологическая, и корреспондентская, и другие концепции истины.

Далее, если научное, опытно-удостоверенное знание следует культурным образцам, то возможно ли хотя бы периодическое их совпадение? Ответ Вебера не абсолютно отрицателен. Он заявляет, что

«долженствующая быть значимой или мыслимая быть значимой практическая идея и конструированный с познавательной целью теоретический идеальный тип движутся параллельно, постоянно проявляя склонность переходить друг в друга» [6, с.590]. Идеально-типические конструкты стремятся стать эмпирически значимыми. Склонность к слиянию обусловлена как ближайшими целями и ценностями, так и идеалами, которые обнаруживаются в жизни и которые сопровождают науку в форме веры в то, «что хочет открыться всем, кто стремится к истине» [6, с.574].

Сам Вебер не переходит кантовский Рубикон между практически и теоретическим разумом. Это отчетливо заметно при анализе им «наук о духе». Ученый полагал, что эмпирическое применение теоретического достижения европейцев, марксизма, приносит лишь вредные плоды. Выходит, что то, что можно Юпитеру, того нельзя быку? Но если и ближние, и дальние ценности, имеют культурное происхождение, а изменчивость и вера присущи и наукам о природе, и наукам о культуре, то почему в естествознании следование образцу – технически полезному – приносит реальные плоды, здесь истина и жизнь пересекаются, а политическая экономия марксизма нет? Ответ подсказывает история – все дело в практической выработке умений и навыков, в «конверсии истинного и сделанного» (Б.Кроче). Пример тому – постепенная реализация коммунистической идеи в модели «шведского социализма». Движение к идеалу в любой сфере есть деятельности, и есть одновременно частичное достижение. В бесконечном движении к финальным целям («фиктивный финализм», по А.Адлеру), к этим ярким проблескам света во тьме ошибок и недоразумений, индивиды и человечество в целом создают вехи, которые, подобно нити Ариадны, помогают отыскивать выходы в лабиринтах жизни.

Изменяют очертания и понятия «объективное» и «субъективное». М.Вебер подчеркивал, что «объективная значимость всякого эмпирического знания состоит в том и только в том, что данная действительность упорядочивается по категориям, в некотором специфическом смысле *субъективным*, поскольку, создавая *предпосылку* нашего знания, они связаны с предпосылкой *ценности* той истины, которую может нам дать только опытное знание. Тому, для кого эта истина не представляется ценной (ведь вера в ценность научной истины не что иное, как продукт определенной культуры, а совсем не данное от природы свойство), мы средствами нашей науки ничего предложить не можем» [6, с.601]. Следовательно, соединение веры с разумом, возможно в ядре культуры, в ценностях, создаваемых практическим взаимодействием человека с миром реальных вещей.

Современная западная цивилизации избрала для этого эффективный, но односторонний, технологический путь. Доминирующими эмоционально-энергетическими предпосылками деятельности социальных субъектов признаются «дефицитарные», практически зримые, а не «бытийные» потребности (А.Маслоу). Но технологический бум возвращается в социум бумерангом. Повседневная, научная, религиозная, этическая, эстетическая жизнь становятся знаковыми как по форме, так и по содержанию. Расширение технической власти субъективности, провоцируемое комфортностью, создает сразу и границу – не позволяет субъектам во всей полноте конструировать новые виды объективного, устойчивого и повторяющегося бытия. Превращая вещи в симулякры, человек вгоняет и себя в клонные формы – в моду, контр-, субкультуру...

Постмодернизм предлагает преодолеть зыбкость и ограниченность бытия субъекта негативной методологией, исключающей практическо-действенные субъект-объектные отношения. Для свободного индивида внеязыковая реальность неуместна либо неизвестна. В жизненной игре со знаками лингвистический субъект являет собою лишь временное состояние текста. Он сломлен и разорван. Деконструктивизм, равно как и нигилизм, ведет к абсолютной неопределенности, к личностному и общественному смятению и хаосу.

К счастью, есть и альтернативные предложения по продолжению мета-разговора об объективности. Они предполагают подключение к анализу многих других тем, прежде всего – разработку понятий «бытие», «мера» и «гармония», акцентирующих аспект согласованности отношения субъекта с объектом при сохранении самобытности обоих. Примерами онтолого-теоретического конструирования таких отношений могут служить концепты антропокосмизма и антропности. Так, В.Сагатовский видит возможность восстановить целостности мира и человека через признание в бытии любого сущего двух уровней, субъективной и объективной реальности, выражающих отношение данности-взятости. [7, с.44]. Однако такой подход при ближайшем рассмотрении, на наш взгляд уводит философию в сторону религии. Предпочтительнее представляется концепция антропности, предложенная С.Крымским. Суть ее в том, что за миром изначально признается: с одной стороны, независимость и уникальность, а с другой – доступность познанию при активной доброжелательности субъекта. Человек, как и у Хайдеггера и Сартра, не только свободен, но и ответственен за бытие. Философия не зеркало природы, а зеркало человеческого отношения к ней. Онтологическая вера-знание в единство человекомерного бытия позволяет с помощью понятия «объективность» фиксировать момент устойчивости знаний, ведь реальные объекты и их образные компоненты изменяются гораздо медленнее средств познания. Большую определенность (и дополнительные смыслы) получает классическая концепция истины, в частности, вопрос о возможности достижения абсолютной истины. Прежде

необходимо различать два смысла употребления этого понятия: во-первых, для обозначения моментов устойчивости и неизменности добытых знаний (истин с маленькой буквы) и, во-вторых, - полноты знания (Истины с большой буквы). В первом, конкретно-научном значении, речь идет о сущем, об отнесении полученного знания к уже имеющемуся и реально-прогнозируемому, во втором, философичном, - к должному, предельному, менее определенному, но необязательно утопическому знанию. Интегральный смысл, обеих подходов, согласованность «истин с маленькой буквы» и «Истины с большой буквы» (А. Бадью) состоит в том, что в гносео-логическом плане познание есть **небезостановочное движение к горизонтной цели** - к расширению и углублению понятий о конкретных вещах и одновременно об идеально-всеобщем познании в них и через них сущности мира как такового.

Завершая разговор об объективности, мы получили некоторые дополнительные аргументы в пользу сохранения данного понятия через прояснение смысла тождественности объективного и субъективного без редукции первого ко второму и не за счет власти одного над другим, а через возвышение субъекта до инициатора данного отношения. Вместе с эволюцией субъекта развивается и объект - до готовности отыскать свои тайны ценящему его индивиду. Объективность - это зримые, устойчивые и повторяющиеся моменты жизни, отношения человека с миром, в которых выявляется не беспристрастность, а напротив, высшая заинтересованность, интегрированность человека в бытии. Объективность - это своеобразная мера целостности человека с реальностью. Она достигается не исключительно научными методами и характеризует классическую (указанием репрезентанта), семантическую (указанием определенности смысловой референции), когерентную (фиксированием безошибочности последовательных суждений), прагматическую (подчеркиванием общепризнанности полезного) ...единую и многоликую истину. Социальный субъект постепенно расширяет сферу объективного, которая включает, кроме Истины, моменты Красоты, Добра, Справедливости. Образы моря Айвазовского не менее объективны, чем физико-химические и биологические свойства морской воды, открытые естествознанием. Более того, как тонко отмечал Ф. Шеллинг, искусству удастся невозможное - выразить в конечных формах бесконечное. Антропная интерпретация объективности знания согласуется с Истинами с большой буквы, которые направляют нашу деятельность и открываются всем, кто к ним искренне стремится.

Библиографический список использованной литературы

1. Лосев А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре / А.Ф. Лосев. [Электронный ресурс]. — Электронные текстовые данные (26940 bytes). — «Библиотека Ихтика» [Россия, г. Уфа], 2006. — Режим доступа: [http:// ihtik.lib.ru / philosbook_22dec 2006...3525/rar](http://ihtik.lib.ru/philosbook_22dec2006...3525/rar)
2. Кант И. Критика способности суждения / И. Кант. — М.: Искусство, 1994. — 367 с.
3. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии / В.И. Ленин. — М.: Политиздат, 1977. — 302 с.
4. Лоренц К. Кантовская доктрина априори в свете современной биологии / Конрад Лоренц // Человек. — М., 1997. — № 5. — С. 19–37.
5. Рорти Р. Философия и зеркало природы / Р. Рорти. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. — 320 с.
6. Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной Политики / Макс Вебер // Культурология. XX век: Антология. — М.: Юрист, 1995. — С. 557–603.
7. Сагатовский В.Н. Философия антропокосмизма в кратком / В.Н. Сагатовский. — СПб: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. — 290 с.

Поступила в редакцию 10.12.2010 г.

Панченко О.В. Філософські варіації на тему об'єктивності

Розглядаються різні підходи до розуміння об'єктивності, виявляються її нові значення.

Ключові слова: істина, об'єктивність, суб'єктивність, реальність, репрезентація.

Panchenko O.V. Philosophical Variations on the Issue of Subjectivity

The article considers various approaches to the comprehension of subjectivity and exposes its new meanings.

Keywords: truth, objectivity, subjectivity, reality, representation.